

Л.С.Сидяков

ГОДЫ С Н.В.ИЗМАЙЛОВЫМ

Осенью 1954 года после завершения учебы в Латвийском университете я поступил в аспирантуру Пушкинского Дома, к чему давно стремился. Пушкинский Дом переживал тогда не лучшие времена. Заканчивалось правление Н.Ф.Бельчикова, официозного ученого, насаждавшего в институте аракеевский режим, занимаясь, по словам Д.С. Лихачева, «главным образом, бдительной охраной литературоведения и опорочиванием ученых-литературоведов»¹. Вскоре, однако, времена переменились, Бельчикова убрали, и на его место пришел сравнительно молодой и энергичный партийный функционер А.С. Бушмин. В прошлом за ним водились неприглядные дела во время кампании против «космополитов», но он, «колеблясь вместе с линией партии», оказался способным и к благотворным переменам. Начиналась хрущевская «оттепель», и это открыло возможность кадрового обновления Пушкинского Дома, привлечения в него крупных ученых, прежде подвергавшихся гонениям, например, Б.М.Эйхенбаума. Среди них в 1955 году оказался и старейший сотрудник Пушкинского Дома Н.В. Измайлов, еще в 1953 году вернувшийся в Ленинград после ряда лет проведенных в Чкалове (Оренбурге). Позднее Николай Васильевич говорил мне, что чувствует себя обязанным Бушмину, который «поверил в него» и не чинил препятствий для его возвращения в Пушкинский Дом. С этого времени и начинается мое знакомство с Н.В. Измайловым. Сначала, правда, я просто приглядывался к нему. Меня поразила неординарная внешность ученого. Высокий, сухощавый, с выразительным интеллигентным лицом, изящными манерами, он сразу понравился мне, и я стал искать случая познакомиться-

ся с ним поближе. Сперва встречи с ним были лишь в более или менее официальной обстановке, главным образом, в Пушкинском кабинете. Вспоминается, например, такой выразительный эпизод. Мой тогдашний руководитель Б.П. Городецкий в 1955 году организовал в ИРЛИ так называемую Пушкинскую группу, задуманную как своего рода лекторий на пушкинские темы. Я как его аспирант выполнял роль секретаря и хроникера этой «группы» (моими первыми печатными выступлениями оказались как раз хроникальные заметки о ее заседаниях в двух первых томах сборника «Пушкин. Исследования и материалы»). В конце 1956 года в план занятий группы был включен доклад доцента Чувашского пединститута М.И. Мальцева, вскоре «прославившегося» как грубого вульгаризатора, крайне тенденциозно освещавшего проблемы мировоззрения и творчества Пушкина 1830-х годов. Помню, как обратившись к Б.В. Томашевскому с приглашением прийти на это заседание, я услышал от него раздраженную реплику: «Передайте Борису Павловичу <Городецкому>, что постановка таких докладов лишь компрометирует то учреждение, в котором они читаются». Разумеется, Томашевский на доклад Мальцева не пришел, и дать отпор ему пришлось присутствовавшему на заседании Н.В. Измайлову. Он сел за стол президиума рядом с докладчиком и с чрезвычайно сердитым видом прямо в ухо (Мальцев был глуховат) нелепо и неприятно высказал ему всё, что он думал о его нелепой «концепции»². Я просто любовался Николаем Васильевичем, горячо сочувствуя его гневной отповеди.

Другой характерный случай, связанный с нашими отношениями с Николаем Васильевичем, относится к весне 1957 года. Готовилась IX Пушкинская конференция, и Б.В. Томашевский на правах хозяина (он возглавил тогда вновь созданный сектор пушкиноведения ИРЛИ) решил перед ее открытием провести чаепитие. Пригласить гостей он поручил тогдашнему ученому секретарю сектора Н.Н. Петруниной, и она попросила меня помочь ей. Мы решили, поскольку Томашевский не назвал предполагаемых гостей, обратиться к Н.В. Измайлову. Он тут же продиктовал нам список лиц, которых, по его мнению, следовало пригласить на чаепитие. Среди них он назвал и Бельчикова. Когда мы пригласили того от имени Б.В. Томашевского, он недоуменно переспросил: «от имени Бориса Викторовича?» Мы подтвердили. Но когда Томашевскому был доложен состав приглашенных, при имени Бельчикова он, не-

года, заметил, что не придет на чаепитие. В отчаянии мы позвонили Николаю Васильевичу, попросив его уладить возникшее недоразумение. Мы, люди молодые и новые в институте, понятия не имели о напряженных отношениях Бельчикова и Томашевского, поэтому и не стали заранее сообщать последнему о предложенном Николаем Васильевичем составе гостей. Реакция Николая Васильевича была мгновенной: «Ах, он какой! Ну, я его уговорю». И действительно, уговорил; наутро Томашевский, как ни в чем не бывало, появился на чаепитии, во время которого, несмотря на присутствие Бельчикова, царил весьма милая и непринужденная обстановка, что нас с Н.Н. Петруниной очень порадовало.

Более близкие отношения с Н.В.Измайловым завязались у меня уже после окончания аспирантуры, во время подготовки к защите моей кандидатской диссертации. Николай Васильевич участливо отнесся ко мне, неоднократно беседовал со мной, написал о моей работе весьма благожелательный отзыв, хотя и отмечал некоторые ее недостатки, в частности, попенял мне на отсутствие сопоставления прозаических и поэтических повестей Пушкина, чем навел меня на мысль о теме моей будущей докторской диссертации: «Проза и поэзия Пушкина. Соотношение и взаимодействие». Большое внимание уделил он и подготовке к печати автореферата моей кандидатской диссертации, буквально испещрив его рукопись многими редакционными поправками. Не удивительно, что, получив отзывы моих официальных оппонентов, я обратился прежде всего именно к Николаю Васильевичу с просьбой помочь мне подготовиться к защите. Он охотно согласился и пригласил меня к себе домой (это была первая наша встреча в неофициальной обстановке). Он жил тогда на ул. Восстания, занимая одну, правда, большую комнату. Его супруга Н.А.Чебышева была тогда нездорова, лежала за ширмой, поэтому мне еще не довелось с ней познакомиться. Вскоре они перебрались уже в отдельную кооперативную квартиру на просп. Космонавтов; помню, как, сообщая мне об этом, Николай Васильевич удовлетворенно заметил: «У меня будет теперь свой кабинет!» Новая двухкомнатная квартира Николая Васильевича оказалась совсем небольшой, и его кабинет, заставленный книжными полками, тоже был невелик; но в условиях того времени (дело было в первой половине 1960-х годов) всё это воспринималось как существенное улучшение условий быта и творческого труда большого ученого.

В 1963 году состоялась докторская защита Н.В.Измайлова по совокупности трудов. Разумеется, я присутствовал на ней, воспринимая ее процедуру как само собой разумеющееся подтверждение прав Николая Васильевича — крупнейшего текстолога и пушкиниста — на искомую ученую степень. Помню Николая Васильевича во время скромного чествования его после защиты — радостного и оживленного. В том же году ему исполнилось 70 лет, и я, конечно, тоже побывал на его юбилее, сердечно приветствуя его в знаменательный для него день.

Но настоящий поворот в наших отношениях пришелся на 1964 год. В нашем Латвийском университете впервые вводилась тогда архивная практика студентов, и мне в голову пришла счастливая мысль в порядке подготовки к ней (местом ее проведения должен был стать Пушкинский Дом, Рукописным отделом которого тогда заведовал Н.В.Измайлов) пригласить его в Ригу для чтения небольшого курса лекций по архивоведению и текстологии. Николай Васильевич охотно принял это приглашение и в начале февраля 1964 года приехал к нам. Побывать в Риге ему было приятно еще и потому, что недавно туда переселились его двоюродные брат и сестра Типольты, реэмигранты из Югославии, с которыми Николай Васильевич не виделся долгие годы. Его лекции, — а это было едва ли не первое приглашение ученого такого ранга на наш факультет, — прошли с большим успехом, охотно посещались и студентами и преподавателями. Помню, что на меня особое впечатление произвели неоднократные мемуарные вставки о первых годах работы Николая Васильевича в Рукописном отделе Пушкинского Дома в далекие 1920-е годы, как вообще богатство и содержательность его лекций, вынужденно кратко, но очень обстоятельно освещавших предмет, тем более, что сообщаемое в них основывалось на огромном личном опыте лектора. Особенно тянулись к Николаю Васильевичу мои студенты, участники образованного мною в те годы Пушкинского кружка, и он не раз беседовал с ними, как кажется, к обоюдному удовольствию. Именно в первой половине 1960-х годов у нас учились особо одаренные студенты, в будущем ставшие крупными учеными, — Л.С.Флейшман, ныне профессор Стэнфордского университета в США, Р.Д. Тименчик, ныне профессор Еврейского университета в Иерусалиме, Е.А.Тоддес, выдающийся литературовед, ныне живущий в Москве. Об их встречах с Н.В.Измайловым сообщалось в малотиражном

студенческом «Пушкинском сборнике» нашего университета: Н.В.Измайлов «рассказал о деятельности Института русской литературы (Пушкинский дом), о рукописном отделе Пушкинского дома, о современном состоянии пушкиноведения. Члены кружка благодарны Н.В.Измайлову за ряд ценных указаний по курсовым работам и докладом»³. Вероятно, Николай Васильевич запомнил эти встречи, и мне было приятно прочесть в одной из его позднейших статей сочувственные слова о «семинарах Ю.М. Лотмана и Л.С. Сидякова в Тартуском и Латвийском (Рижском) университетах»⁴. Я даже хвастался этим перед моими студентами: мол, «знай наших!» Тепло отозвался он как о перспективных пушкинистах обо мне и моем тогдашнем коллеге Н.Я.Соловьев в лекции, открывавшей по моей просьбе читавшийся мною курс о творчестве Пушкина. Это было удачно, студенты могли услышать слово о Пушкине, его восприятию и изучению из уст одного из старейших и крупнейших пушкинистов, живого классика пушкиноведения.

Но главное, что порадовало меня во время приезда Николая Васильевича в Ригу, была возможность близкого общения с ним в семейном кругу. Мы с женой не раз принимали у себя Николая Васильевича и приехавшую с ним Наталию Александровну, много времени незаметно протекло в дружеских беседах с ними, и это, естественно, переводило наши отношения на новый уровень. Укреплению наших новых отношений способствовало и то, что примерно через год, в начале 1965 года мы собрались всей семьей в Ленинград, чтобы показать его нашему тогда 11-летнему сыну. Наши родственники, у которых мы рассчитывали остановиться, по какой-то причине не смогли принять нас, и я опрометчиво понадеялся как-нибудь устроиться в гостинице, тем более, что кто-то сказал мне, что это можно легко сделать в большой гостинице «Россия» на Московском проспекте, где якобы бывают обычно свободные места. Конечно, не тут-то было, в гостинице нам дали от ворот поворот, и я, не зная что делать, вдруг решил обратиться к Николаю Васильевичу, благо он жил неподалеку. Естественно, я не думал просить его о прибежище, зная их стесненные условия, но надеялся, что он поможет найти какой-то выход из положения.

И действительно, увидев нас с расстроенными лицами, старики разволновались, и Наталия Александровна тут же куда-то побежала и, вернувшись, сказала, что вопрос решен,

нас за скромную плату согласилась приютить их соседка по дому. Так что всё устроилось наилучшим образом, и наша поездка прошла очень удачно. Территориальная близость позволила нам также часто встречаться с Николаем Васильевичем и Наталией Александровной, оба очень мило нас принимали у себя, и мы опять смогли проводить время в приятных беседах с ними. Такое тесное сближение привело к тому, что приезжая по делам в Ленинград, я неизменно созванивался с Николаем Васильевичем и всегда получал приглашение побывать у них дома, так что наши встречи стали достаточно частыми и регулярными.

Трудно, конечно, сейчас восстановить содержание наших бесед, они были разнообразными, и Николай Васильевич и Наталия Александровна рассказывали о себе, знакомили со своими близкими, в частности, с сестрой Николая Васильевича Анной Васильевной, очаровательной старушкой, очень похожей на брата. В прошлом сотрудница Н.И.Вавилова, она стоически посвятила себя многолетней работе на биологической опытной станции в «смоленской глуши», как говаривал ее брат. Николай Васильевич с женой любили проводить у нее летние месяцы, и он мог заниматься там, «сидя в саду под липами», как писал он мне в 1964 году. И Анна Васильевна как-то приезжала в Ригу к своим родным, побывала и у нас, рассказывая о брате и разных семейных делах.

В середине 1960-х годов я переживал трудные времена. У нас на кафедре произошел конфликт; в партийных кругах я был ославлен «внутренним эмигрантом», «идеологическим противником», меня всячески травили, заодно отыгрываясь на моих студентах. Всё это я рассказывал Николаю Васильевичу, он сочувствовал мне и однажды горько заметил: «Каждому надо пройти через это!» Меня поразили его слова, я понимал, что за ними стоял личный опыт ученого, неизмеримо более тяжелый, чем мой, — годы репрессий, лишений и фактической ссылки. Помню, как Наталия Александровна рассказывала мне, что лишенный возможности жить в Ленинграде, Николай Васильевич должен был ежевечерне уезжать из города и даже тогда, когда при смерти была его жена, дочь акад. С.Ф. Платонова, по делу которого он привлекался. Сам Николай Васильевич не любил говорить об этом, вообще старался избегать политических тем, хотя поневоле то и дело наши разговоры и выходили на них.

Сочувствие Николая Васильевича активно проявилось в

том, что он охотно оказал мне деятельную помощь в нашей кафедральной сваре. В 1967 году под угрозой оказалась защита дипломной работы одного из лучших моих учеников, Е.Тоддеса, которую один из моих недоброжелателей посчитал неудовлетворительной. И тут мне в голову пришла удачная мысль обратиться к Николаю Васильевичу с просьбой написать отзыв на работу этого моего студента, тем более, что ее тема («Анджело» и «Медный всадник») была ему близка. Николай Васильевич тут же откликнулся и вскоре прислал весьма благожелательный отзыв на работу Тоддеса, и это сыграло решающую роль, выбив «козыри» из рук моих противников, предъявлявших автору (и прежде всего мне как его руководителю) облыжные обвинения в якобы методологических и идеологических просчетах. Защита прошла успешно и даже на удивление более или менее спокойно.

Н.В.Измайлов заметил работу Тоддеса, и когда тот спустя год опубликовал статью «К изучению «Медного всадника»⁵, высоко оценил ее, как и весь наш сборник в целом: «Радуюсь за Вас и Вас поздравляю — вот и у Вас есть уже ученики-пушкинисты, воспитанные Вами, и создается целая школа пушкиноведения в Рижском университете под Вашим руководством», — писал он мне 29 октября 1968 года. Николай Васильевич особо выделил статьи моих учеников Л.Флейшмана и Е. Тоддеса («в которых — т.е. учениках — и я принимал некоторое участие», — добавлял он в скобках); о работе последнего он писал: «Статья Тоддеса кажется мне одним из наиболее самостоятельных и содержательных этюдов, писанных в последние годы». Всё это лестно было услышать от Н.В.Измайлова, и я был глубоко ему благодарен за его добрые слова. Мне было приятно вскоре же ответить ему на его доброе отношение ко мне и моим ученикам, приняв участие в качестве официального оппонента в защите кандидатской диссертации его ученика Ю.В.Стенника (а еще через десять лет, в 1979 году — уже в ранге доктора — и его последней ученицы О.С.Муравьевой).

В 1968 году обстоятельства не позволили мне приехать в Ленинград для участия в торжествах по случаю 75-летия Н.В.Измайлова, что, естественно, огорчило меня. Правда, сам Николай Васильевич несколько иронически отнесся к этому своему промежуточному «юбилею» (именно так — в кавычках — употребил он это слово в письме ко мне); но всё же сожалел о моем неучастии в нем: «Очень жалею, — писал он мне в

письме 14 января 1969 года, — что Вы, из-за Новиковской конференции в Тарту, не были на ужине 19 XII в ресторане «Нева» <...>, которым мы отблагодарили всех друзей и участников моего «юбилея»: было более 50 человек и прошло очень оживленно, весело и просто; в качестве «свадебного генерала» присутствовал и академик Виноградов с женою...

В 1970-е годы мне довелось довольно часто бывать в Ленинграде, и в это время я неоднократно посещал Николая Васильевича дома, встречались мы и в Пушкинском Доме. Он неизменно проявлял свою доброжелательность ко мне; во встречах с ним, особенно в домашней обстановке, открывались неожиданные стороны его личности. Обычно строгий, даже несколько старомодно чопорный, дома он бывал чрезвычайно открыт и гостеприимен. Вспоминается, например, как я был однажды удивлен его обращением к жене после застолья: «Благодарю вас, Генрих». На мой недоуменный вопрос он рассказал, что встретил как-то в переводном романе поразившую его неуместной книжностью фразу, с которой барин обращался к слуге: «Благодарю вас, Генрих, я совершенно сыт», запомнил ее и стал иронически использовать в своей обиходной речи. Мне это было очень понятно, поскольку я и сам не прочь ловить подобные словесные сорняки и использовать их в домашнем обиходе. Конечно, такая открытость и непринужденность в общении была для меня приятна, свидетельствуя о том, что я воспринимался им как свой человек в его доме, перед которым не следовало чиниться. Наше общение с ним с годами принимало всё более теплый и дружеский характер. Несмотря на большую разницу лет (Николай Васильевич был ровесником моего отца), я видел в нем старшего друга и был рад, что и он отвечал мне взаимностью, что, например, подтверждается дарственными надписями на подаренных мне его работах: «Дорогому Льву Сергеевичу Сидякову от искренне его любящего автора» (1960), «Дорогому Льву Сергеевичу дружески от автора» (1966) и т.п. В конце 1975 года я получил от него особо дорогой для меня подарок, — его сборник «Очерки творчества Пушкина» с надписью: «Дорогому Льву Сергеевичу Сидякову в качестве поздравления с докторской степенью и с наступающим Новым годом от автора» (позднее в 1978 году он подарил мне и подготовленное им для серии «Литературные памятники» издание «Медного Всадника»). Когда я впервые стал просматривать его «Очерки...», меня по-

разило предпосланное им посвящение: «Памяти моих учителей Владимира Васильевича *Гиппиуса*, Семена Афанасьевича *Венгерова*, Нестора Александровича *Котляревского*, Бориса Львовича *Модзалевского*». Имена, ставшие для нас легендой, особенно такие, как Венгеров и Модзалевский, для Н.В.Измайлова были непосредственно связаны с его жизнью. Участник прославленного Пушкинского семинария Венгерова, ближайший сотрудник Модзалевского, вместе с которым он участвовал в становлении Пушкинского Дома и в соавторстве с которым написал один из лучших кратких очерков жизни и творчества Пушкина⁶, — таковы вехи начального пути Н.В.Измайлова в науке, и я еще раз испытал чувства радости и гордости тем, что судьба свела меня с ним, выдающимся ученым, хранителем лучших традиций пушкиноведения периода его расцвета. Недаром Б.П. Городецкий, приветствуя Н.В.Измайлова на одном из его юбилеев (скорее всего, в 1973 году), удачно назвал его, перефразируя Пушкина, «сей остальной из стаи славной *пушкиноведческих* орлов». Не будучи формально учеником Николая Васильевича, я, надеюсь, немало воспринял от него, вдохновляясь его рыцарственным служением науке, точностью и уверенностью суждений, филигранной техникой литературоведческого анализа.

Из приведенного выше инскрипта на его книге видно, что ее выход пришелся на время, когда я незадолго до того, в ноябре 1975 года защитил в Тарту свою докторскую диссертацию. Ее успеху немало способствовал и Н.В.Измайлов, как всегда, пристально и внимательно приглядывавшийся к моей работе над диссертацией. Еще на дальних подступах к ней я знакомил Николая Васильевича с ее концепцией, обсуждал с ним некоторые связанные с работой над ней вопросы, знакомил с опубликованными и даже рукописными ее фрагментами. Так, например, выступив в 1967 году на Пушкинской конференции в Пскове с докладом «Некоторые вопросы изучения художественной прозы Пушкина», содержащим, так сказать, первую прикидку проблем моей будущей диссертации, я решил познакомить с ним и Николая Васильевича. Он очень внимательно отнесся к этому моему тексту и не только поделился своими соображениями на его счет («Нахожу, — писал он мне 14 января 1969 года, — что проблема поставлена Вами своевременно и правильно...»), но и высказал некоторые критические замечания. Он считал, что эта моя рабо-

та несколько схематична (“каждое ее положение, изложенное декларативно, требует раскрытия на конкретном материале”). В целом, однако, он одобрил ее, пожелав мне успехов в дальнейшем изучении пушкинской прозы, “так основательно и хорошо начатого и ведущегося Вами!” — заключал он. Особенно заинтересовали Н.В. Измайлова мои соображения о необходимости исследования прозы Пушкина в соотношении и взаимодействии ее с его поэзией, т.е. как раз то, что составляло главный предмет задуманной мною диссертации. Размышляя над этим, он решил изложить свои мысли на сей счет (“у меня, — писал он в цитированном письме, — возникли некоторые соображения, которые я кое-как набросал на бумаге <...> это — черновой набросок, основанный на допущениях и гипотезах, <...>, который я <...> хотел бы сначала показать моим товарищам”). Позднее он передал мне этот текст, я внимательно ознакомился с ним, и соображения Н.В.Измайлова сыграли немаловажную роль в уточнении концепции моей диссертации. Рукопись его я сохранил, надеясь при случае опубликовать, и теперь прилагаю ее текст к этим своим воспоминаниям (см. Приложение 1). Думаю, что, несмотря на скромную самооценку автора, он может вызвать интерес современного читателя, тем более, что, судя по последней фразе, он приоткрывает замысел, занимавший его в последнее десятилетие жизни. Возможно, какие-то следы реализации этого замысла сохранились в архиве ученого, и публикация прилагаемого текста может быть полезной для его реконструкции.

И впоследствии Николай Васильевич внимательно следил за ходом моей работы над докторской диссертацией, давал мне ценные советы. Приветливо отнесся он и к моему выступлению в Пушкинском Доме (февраль 1975 г.) с кратким изложением идей подготовленной к защите работы. Позднее он написал весьма сочувственный отзыв на автореферат моей диссертации, в котором отмечал новизну и актуальность ее. «Хотя, — писал он, — глубокая связь между прозой Пушкина и его поэзией <...> ощущалась многими пушкинистами уже давно; но никогда эти вопросы не подвергались специальному и глубокому исследованию. Поэтому диссертация Л.С. Сидякова составляет новую и очень важную главу пушкиноведения, заполняя в нем значительный пробел».

Выходя на защиту моей докторской диссертации, я надеялся, что Н.В. Измайлов согласится быть одним из моих оппо-

нентов, и он готов был пойти на это, но, к сожалению, врачи не советовали ему, уже очень пожилому человеку (ему шел 82-й год!), совершить даже недалекое путешествие в Тарту. Оба мы были огорчены этим вердиктом, но рисковать здоровьем Николая Васильевича не представлялось возможным.

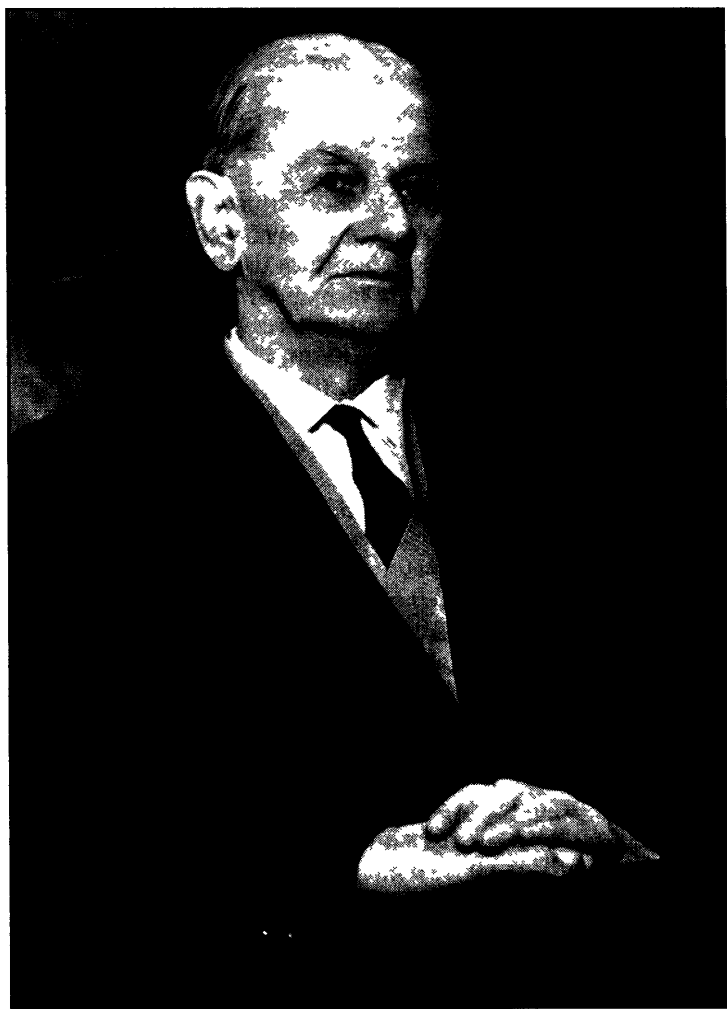
Конечно, наше научное общение с Н.В. Измайловым в первой половине 1970-х годов не ограничивалось проблемами моей докторской диссертации. Еще в 1966 году, подарив мне оттиск своей главы «Текстология» в книге «Пушкин. Итоги и проблемы изучения», он надписал на нем: «Дорогому Л.С. Сидякову на добрую память и, быть может, на некоторую пользу от автора». И, действительно, вскоре мне пришлось обратиться к первой моей собственно текстологической работе — публикации обнаруженного мною фрагмента чернового текста нескольких строф второй главы «Евгения Онегина», не учтенного «большим» академическим изданием сочинений Пушкина⁷. Не имея еще достаточного опыта текстологической работы, я обратился к Н.В. Измайлову как опытному текстологу, прошедшему школу академического издания Пушкина. Он заинтересовался моей находкой, помог мне в прочтении пушкинского текста, и я просто любовался тем, как он легко восстанавливает трудночитаемый текст, по конфигурации букв прочитывая густо зачеркнутые слова. Естественно, что в одном из примечаний своей статьи я поблагодарил Николая Васильевича «за помощь в прочтении публикуемого текста»⁸.

Тем временем годы шли, Николай Васильевич заметно старел. На XXV Пушкинской конференции в 1978 году, в канун его 85-летия, его доклад «О принципах нового академического издания сочинений А.С. Пушкина» зачитал не он сам, а, помнится, Р.В. Иезуитова. Вспоминается и такой эпизод. Во время одного из последних посещений Николая Васильевича у него дома он спросил меня, не помню ли я, кто первый назвал Пушкина Протеем. Оказалось, что такой вопрос задал ему в письме его приятель, известный пушкинист-любитель Н.А. Раевский, и Николай Васильевич затруднялся с ответом ему. Я назвал Н.И. Гнедича («Пушкин, Протей / Гибким твоим языком и волшебством твоих песнопений!..», 1832) и про себя грустно подивился, что он сам не смог вспомнить этого. Николай Васильевич снял с полки том Гнедича в «Библиотеке поэта», посмотрел текст указанного мною стихотворения и вдруг стал перелистывать книгу, надолго углубясь в чтение, пока Ната-

лия Александровна укоризненно не сказала ему: «Коля, ведь у нас гость».

Приближалось 85-летие Николая Васильевича, и в своих разговорах он часто обращался к этому сюжету, по-видимому, очень, его занимавшему. Юбилейное мероприятие 1978 года прошло очень торжественно, коллеги горячо поздравляли его; поздравил его и я. Николай Васильевич был очень растроган. Кажется, именно тогда одна из его коллег (помнится, Л.Н. Назарова) заметила ему, что он напоминает ей Б.М. Эйхенбаума, на что, грустно улыбнувшись, Николай Васильевич ответил: «Далеко мне до него, далеко!» Я стоял рядом, и меня этот обмен репликами очень тронул. Вспоминается еще один эпизод. После юбилейного чествования, уже в коридоре по пути в Пушкинский кабинет, где нас ждало угощение, акад. М.П. Алексеев сказал: «Вот, Николай Васильевич, я всё вас догоняю, а никак догнать не могу» (он был на три года моложе), на что Николай Васильевич ответил: «Ну, когда-нибудь придется остановиться». И действительно, оба друга ушли в одном и том же 1981 году. После юбилея Николая Васильевича пушкинодомцы, по-доброму посмеиваясь, говорили, что он еще долго возвращался к воспоминаниям о нем, и это стало едва ли не единственным предметом его разговоров в последние годы жизни.

Вряд ли это было совсем так, во всяком случае я не заметил этого, посещая его в последние его годы. Наши разговоры по-прежнему касались разных тем; в частности, он с интересом отнесся к моему замыслу издания «Стихотворений Александра Пушкина» в «Литературных памятниках» (в 1979 г. я как раз подал заявку на это издание), сочувственно расспрашивал меня о деталях этого замысла и пожелал успеха в его осуществлении, надеясь дождаться выхода книги. Увы, издание затянулось на долгие годы и вышло в свет только в 1997 году. В 1979 году готовилась к публикации моя рецензия на осуществленное Н.В. Измайловым издание «Медного Всадника»; известие об этом заинтриговало его, он поинтересовался, где я предполагаю напечатать ее, и, узнав, что в «Известиях АН», удовлетворенно произнес: «Солидно!» Я заранее познакомил его с написанной мною рецензией, и он очень внимательно, даже несколько ревниво отнесся к ее тексту. Но появление моей рецензии его порадовало, и он благодарил меня за нее⁹. Еще ранее я думал было написать рецензию и на его «Очерки творчества Пушкина», но ее «отбил» у меня Е.Тоддес,

Н В Измайлов

всегда помнивший доброе отношение Н.В. Измайлова к нему, и он хотел таким образом отблагодарить его¹⁰. Я, естественно, не сопротивлялся.

Впрочем, в конце 1980 года мне было предложено (не помню, кем и как) представить в Отделение литературы и языка АН отзыв о последних книгах Н.В.Измайлова («Очерки творчества Пушкина» и «Медный Всадник») как рекомендацию на присуждение ему академической Пушкинской премии. Я с радостью взялся за это и, находясь в то время в Москве, в читальном зале тогдашней Ленинской библиотеки написал свой отзыв и тут же доставил его по назначению (текст отзыва см. в Приложении 2). Позднее я узнал, что Николай Васильевич был извещен о моем скромном участии в присуждении ему почетной академической премии и был признателен за это. Мне это было очень приятно. После присуждения ему Пушкинской премии, как успел еще мне рассказать Николай Васильевич, он на радостях «откупорил шампанского бутылку» и так отметил это важное событие, скрасившее последние месяцы его жизни.

8 марта 1981 года в нашем доме раздался телефонный звонок, к аппарату подошла моя жена. Николай Васильевич поздравил ее с женским днем. «Спасибо, Николай Васильевич», — ответила она, на что он изумленно воскликнул: «Как? Вы меня узнали!» — на что жена, улыбаясь, сказала: «Разве можно Вас не узнать?». И действительно, манера речи Николая Васильевича была настолько индивидуальна, что не узнать его было решительно невозможно: легкое грассирование, особенности произношения сразу выдавали его (например, Николай Васильевич никогда не говорил «мебель», «портфель», но «мёбль», «портфёйль», на французский лад). Этот последний разговор памятен еще и тем, что то ли сам Николай Васильевич, то ли взявшая трубку Наталия Александровна предложили нам погостить у них летом в Царском Селе, где они намеревались снять дачу (оба они хорошо знали, что детство моей жены прошло в г. Пушкине, о котором она всегда ностальгически вспоминала). Увы, этому не суждено было сбыться — через неполных два месяца, 2 мая 1981 года Николай Васильевич скончался. Не помню, кто сообщил мне об этом, возможно, Наталия Александровна; я без промедления поехал в Ленинград и успел побывать на похоронах и выступить с поминальным словом на гражданской панихиде. На поминках в осиротевшем доме Николая Васильевича много было говорено о нем; помню,

в частности, что речь зашла и о его реабилитации, как сообщила Наталия Александровна, «за отсутствием события преступления» (юридический термин, указывающий на полную необоснованность предъявлявшихся обвинений).

И после кончины Николая Васильевича я продолжал бывать в его доме. Вдова ученого предложила мне выбрать несколько книг из его библиотеки: чтобы не злоупотреблять ее любезностью я взял совсем немного, всего две книги (следственное дело о дуэли Пушкина и один из томов сборника «Пушкин и его современники», отсутствовавший тогда в рижских библиотеках), обе они были у Николая Васильевича в двух экземплярах. Библиотека Н.В. Измайлова была довольно богатой, но собиралась она в позднее время; из прежней его библиотеки, утраченной в годы преследований, в ней находилась единственная книга: один из стиховедческих трудов В.М. Жирмунского. Как рассказывал Николай Васильевич, ее приобрел у букинистов один из его знакомых и, увидев на ней дарственную надпись автора Н.В. Измайлову, отдал книгу по назначению.

Позднее я еще договорился с Наталией Александровной о том, что куплю у нее академическое издание Лермонтова, и в последней открытке, которую я получил уже после известия о ее кончине, она сообщала мне, что отложила его для меня, и я смогу получить книги в любое время. Но, к сожалению, библиотека Н.В. Измайлова после смерти его вдовы была продана на корню, и издание Лермонтова мне не довелось уже получить.

Последним моим приветом Николаю Васильевичу был доклад «Медный Всадник» в исследованиях Н.В. Измайлова», прочитанный на XIII Болдинских чтениях в год, когда ему исполнилось бы 90 лет (1983), и вскоре же опубликованный¹¹. Проследив развитие этой сквозной темы научного наследия Н.В. Измайлова, я постарался раскрыть глубину и перспективность поставленных исследователем проблем, решение которых важно для дальнейшего изучения последней поэмы Пушкина. Пришлось горько пожалеть о том, что Наталия Александровна не дождалась публикации этой моей статьи!

Столетию со дня рождения Н.В. Измайлова я предполагал посвятить специальное заседание намеченной на 1993 год конференции в Латвийском университете. На этом заседании я думал выступить с докладом, предваряющим нынешнюю мою публикацию (я хотел уже тогда обнародовать ру-

копись заметок Николая Васильевича по поводу моей работы). Но, к сожалению, в 1993 году наша конференция не смогла состояться.

Когда уходят из жизни близкие люди, подобные Николаю Васильевичу и Наталии Александровне, всегда образуется невосполнимая пустота, появляется ощущение ухода целой эпохи. Тем более, кончина Н.В. Измайлова, действительно, знаменовала собой завершение славной эпохи истории пушкиноведения, ознаменованной участием плеяды великих пушкинистов. Незадолго до него в 1978 году ушла из жизни Т.Г.Цявловская, вскоре после него С.М.Бонди (1983) и Д.Д.Благой (1984). Для меня же лично уход Николая Васильевича был особенно горестным, ибо он, наряду с Б.В. Томашевским и Ю.М. Лотманом, был одним из главных людей моей жизни, само присутствие которых было вдохновляющим стимулом для меня. Я сердечно любил Николая Васильевича, восхищался им, с большим уважением следил за тем, как он, уже очень немолодой человек, продолжает самоотверженно трудиться, приумножая свои научные достижения. В его письмах ко мне он неоднократно делился сведениями о своей работе, например, в письме 19 октября 1968 года он сообщал о напряженном труде руководимого им коллектива пушкинистов над завершением издания «Пушкин. Письма последних лет 1834—1837» (Л., 1969): «Я не запомню в своей редакторской практике более тяжелого, мучительно-трудного издания, чем это». В том же письме он упомянул и о завершении работы над академическим изданием сочинений Тургенева, «с которым, — пишет он, — 13 лет была связана моя жизнь и работа. Вы, наверное, уже видели оба последних тома — XV сочинений и XIII кн. 2 писем — оба под моей редакцией, с которыми пришлось много повозиться в прошлом и нынешнем году». А ведь ему шел тогда уже 76-й год! Помню, как огорчался он, когда тогдашний директор Пушкинского Дома В.Г. Базанов, едва Николай Васильевич отметил свое 80-летие, уволил его на пенсию. И хотя он, шутя, говорил, что, выйдя совсем на пенсию, станет читать детективы Ж.Сименона, и последние годы ученого были заполнены новыми трудами; несмотря на возраст и положение пенсионера, он продолжал регулярно приезжать в Пушкинский Дом, принимая участие в работе пушкинистов института. 1981-м годом датированы его последние работы: статья «Два документа в творчестве Пушкина («Приметы Отрепьева и приме-

ты Дубровского)»¹² и редактирование книги Н.В. Телетовой «Забытые родственные связи Пушкина» (Л. 1981). «Его творческая деятельность продолжалась до последних месяцев жизни», — справедливо замечает В.Э.Вацуру¹³. Но всё это — уже другая тема, выходящая за пределы личных воспоминаний о встречах с Н.В. Измайловым в продолжение более четверти века, поэтому пора ставить точку.

Надеюсь, что эти мои воспоминания смогут дать современному читателю некоторое понятие о неординарной личности выдающегося ученого, оставившего неизгладимый след в русском литературоведении XX века и заслужившего благодарную память всех, кому посчастливилось близко его знать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лихачев Д.С. Воспоминания. 2-е изд., перераб. СПб., 1997. С. 536.

² О докладе Мальцева и реакции на него см.: Пушкин: Иссл. и мат. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 473. Статья на тему прочитанного в Ленинграде доклада позднее была опубликована. См.: Мальцев М.И. Кто такой Белкин? // Уч. зап. / Чувашский пед. ин-т. 1960. Вып. 9. С. 242—286.

³ Пушкинский сборник. Рига, 1965. С. 65-66.

⁴ Измайлов Н.В. О принципах, нового академического издания сочинений Пушкина // Пушкин: Иссл. и мат. Л., 1979. Т. 9. С. 14.

⁵ См.: Уч. зап. / Латв. ун-т. 1968. Т. 106: Пушкинский сборник. С. 92 — 113.

⁶ Пушкин: Очерк жизни и творчества. Л.; М., 1924.

⁷ См.: Сидяков Л.С. К истории работы Пушкина над второй главой «Евгения Онегина» // Временник Пушкинской комиссии 1973. Л., 1975. С. 5—11.

⁸ Там же. С. 6.

⁹ Мою рец. на кн: Пушкин А.С. Медный Всадник. Л., 1978 (Литературные памятники) см.: Изв. АН СССР: Серия лит. и яз. 1979. Т. 38. № 3. С. 270—273.

¹⁰ См.: Изв. АН СССР: Серия лит. и яз. 1976. Т. 35. № 5. С. 472—474.

¹¹ См.: Болдинские чтения. Горький, 1984. С. 4—17.

¹² См.: Пушкин: Иссл. и мат. Л., 1982. Т. 10. С. 305—308.

¹³ Вацуру В.Э. О пушкиноведческих работах Н.В. Измайлова // Пушкин: Иссл. и мат. Л., 1983. Т. 11. С. 338.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Н.В.Измайлов

К СТАТЬЕ Л.С.СИДЯКОВА «НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖ<ЕСТВЕННОЙ> ПРОЗЫ ПУШКИНА» <1969>

Центральная проблема — соотношение стиха и прозы в творчестве Пушкина. Л.С.Сидяков рассматривает ее несколько схематически и, мне кажется, упрощает.

Соотношения касаются разных элементов *эпического* творчества Пушкина — сюжета, композиции, «манеры» рассказывания, задач, которые ставит перед собою автор — художественных и, т<ак> ск<ать>, «идейных» (формы и содержания), наконец — *стиля*.

Вопрос о *лирике в прозе* Пушкиным не ставится — в его время он еще не существует. Лирические отрывки в прозе («Я посетил твою могилу» — «Prologue»; «Юность не имеет нужды в at home...»¹) — *планы* стихотворений, а не лирическая проза. «Стих<отворения> в прозе» Тургенева — 1878—1881 — принадлежат другой эпохе (после «Petits roumes en prose» Beaudelaire).

«Евгений Онегин» как лирический роман *не мог* быть написан в прозе; но поэтому же он ограничен в охваченном им материале и в составе действующих лиц (вне центральной пары и пары сопутствующей (Он<егин> и Т<атьяна>, Лен<ский> и Ольга) все остальные — только *фон*). Когда в 30-х годах П<ушкин> задумал новый *современный* социально-психологический роман широкого охвата — «Русский Пелам» — он строит его и начинает *в прозе* — и стихотворным он быть не может. То же — еще раньше — в первом опыте такого современного романа — «Р<оман> на Кавказских водах» — задуман и начат в прозе.

Такое же соотношение — в иных формах — при разработке исторической темы: истор<ический> роман В<альтер>-Скоттовского типа, с введением исторических персонажей «домашним образом» (см. рец<ензию> на «Юрия Милославского» 1830²) — «Арап Петра Вел<икого>» — начинается и *мог бы*т написан только в прозе. Другой вопрос — почему он остался не продолженным; по моему мнению, главная причина — в том, что на этом семейном материале, исключаящем крупные исторические события (кроме смерти Петра I, кото-

рая сама по себе коренным образом меняет, если не снимает проблему), проблематика романа (борьба за и *против* Петровских реформ, старое боярство — новая знать — стрелецкий сын) не могла быть развернута: роман оказался бесперспективным. Тоже *только в прозе* могли быть построены позднейшие эпические произведения — и «Дубровский» и «Капитанская дочка» (последняя — *роман-эпопея*, как бы это ни отрицал А.В. Чичерин³, и то же, как и «Арап», В<альтер>-Скоттовского типа).

С др<угой> стороны, Петровская тема в «Полтаве», представляющая сочетание героической (исторической) и «новеллистической» линий, естественно и необходимо осуществляется в стихах, в небольшой и очень сжатой поэме, что создает большую эмоциональность и напряженность. Сюжет «Полтавы» сам по себе мог бы быть развернут в романе опять-таки В<альтер>-Скоттовского типа, где роман Марии и Мазепы сочетался бы с историческими событиями, составляющими не только фон, но и движущие силы повествования; но — не говоря о неизбежном усложнении бытового фона, необходимости введения многих персонажей (исторических и внеисторических) и многих промежуточных, эпизодов — в прозаическом романе были бы невозможны — ни героический характер Петровской линии, ни трагедийность линии Марии и Мазепы.

Иное дело — современные бытовые *повести в стихах* ограниченного охвата. И «Граф Нулин», и «Домик в Коломне» (без теоретических рассуждений о стихе и пр.) могут быть рассказаны в прозе, как 6-я и 7-я «Повести Белкина», только с введением некоторых бытовых деталей, от которых автора избавляет стихотворная форма (напр<имер>, лукавый намек на «Лидина» в заключении «Гр<афа> Нулина» в прозаической повести должен был бы быть отброшен или раскрыт более определенно). То, что «Домик в Коломне» написан стихами, мотивируется (и определяется) его «стиховедческим» обрамлением и *несоответствием* (подчеркнутым) темы и формы — октавы, традиционно связанной с произведением большого размаха и значительного содержания. «Д<омик> в Кол<омне>» вплотную соприкасается с «Повестями Белкина» и преследует те же *литературные* задачи, что и «Повести» — переклечение традиционных «высоких» литературных форм и тематики на современные и «ничтожные» бытовые сюжеты.

Продолжением линии «Домика в Коломне» является «Езер-

ский», также характерный своим «обрамлением» на социально-исторические темы и на вопросы о назначении поэзии и праве поэта избирать себе «ничтожного героя» и мелкие сюжеты для «смиренной повести» (поэтому я думаю, что П<ушкин> в «Езерском» имел в замысле не роман в стихах — нового «Онегина», как считает С.М.Бонди⁴, но небольшую повесть бытового плана, не трагического, но скорее иронического характера; это — не сюжет «Медного Всадника», но нечто совершенно отличное, имеющее с ним лишь чисто внешние совпадения).

Очень характерным в смысле соотношения стихотворных и прозаических элементов является «Медный Всадник». Разумеется, только в стиховой форме можно было вложить такое громадное и многостороннее содержание в такой малый объем (480 стихов). В то же время, ни в одном стихотворном произведении Пушкина стих намеренно так не снижен и так не прозаизирован, как в «М<едном> Всаднике» (линия Евгения). Это отмечено давно⁵, но требует, кажется, уточненного и углубленного исследования: прозаический синтаксис и лексика, обилие enjambements — в контрасте с чисто-стихотворным стилем линии Петра — Петербурга. Но здесь не стих воздействует на прозу, а, наоборот, *проза на стих*, притом совершенно сознательно.

Особняком стоит «Пиковая дама» — вершина свободного рассказа (т.е. закрепленного в письме устного сказа) — только без рассказчика, фигура которого глубоко спрятана; опытом такого рассказа мог быть «Влюбленный бес» («Уединенный домик на Васильевском»). Интерес для читателей (слушателей) «Пик<овой> дамы» поддерживается не только острым сюжетом, драматически развернутым, но и тем, что сюжет развивается всё время *на грани* двух планов — реального и фантастического (все попытки свести «П<иковую> даму» к одному реальному плану основываются на предвзятой мысли, что, мол, Пушкин — реалист в 30-х гг. и не мог допустить ничего фантастического. Но фантастика «П<иковой> Дамы» — особого рода, не мистическая, а основанная на карточных представлениях и поверьях, на вере в судьбу — а Пушкин слишком хорошо знал и ощущал всё это). Но наличие фантастического элемента, хотя бы и слабо выраженного, требует противопоставления его подчеркнута *прозаической обстановке* — и это достигнуто прозаизмом всего, что лежит вне психологической линии Германна и вне темы трех карт. Эту

прозаическую, бытовую, будничную линию повествования можно было дать только в живом прозаическом рассказе — написанная как повесть в стихах «П<иковая> Дама» потеряла бы характерные бытовые краски, а трагически-фантастическая линия стала бы доминировать так, как она доминирует в музыке Чайковского, гениально воспринявшего и интерпретировавшего именно эту линию, и для этого сняв весь прозаизм, определяющий образ и сюжетную линию Лизы.

Общий путь развития Пушкина — от лирики к эпике, и тем самым от стихотворного творчества к прозе — определен уже 45 лет назад в замечательной статье Б.М.Эйхенбаума «Путь Пушкина к прозе»⁶. Нужно следовать за ней и ее раскрывать.

В 30-х годах преобладание эпики над лирикой в творчестве П<ушкина> определилось вполне, отсюда и преобладание прозы (и эпических жанров в стихах). Здесь самое важное — поиски новых, больших и малых прозаических форм: «Повести Белкина» — «Роман на Кавказских водах» — «Рославлев» — «Дубровский» — «Русский Пелам» — «Кап<итанская> дочка». Эпический элемент есть и в «Египетских ночах» (рассказ о ночах Клеопатры из элегии становится эпосом), эпичен и набросок из римской жизни «Цезарь путешествовал». Эпическая тема в драматической форме (в прозе) — «Сцены из р<ыцарских> времен». Две исторические темы — Пугачевское восстание и жизнь Петра I — привлекают его своей эпической масштабностью и грандиозностью образов героев.

Эпические темы в поэзии: «Песни западных славян», баллады Мицкевича и «Гусар», «Родриг», «Юдифь»⁷, «Альфонс»⁸. Эпично по существу и послание «К Вельможе».

Основные элементы эпичности: историзм, народность, объективность (поэзия действительности).

Всё это должно войти в мою монографию «Творчество Пушкина 30-х годов».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Юность не имеет нужды в at home...» — начало плана продолжения стихотворения 1834 (?) г. «Пора, мой друг, пора! [покая] сердце просит...» См.: Пушкин. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 32. С. 941. Далее ссылки на т. наз. большое академическое изд. соч. Пушкина (Т. 1—16 и Справочный том, 1937—1959) даются в скобках с указанием тома римскими и страниц — арабскими цифрами.

² Отсылка неточная. Словосочетание «домашним образом»

Пушкин употребил в заметке «О романах Вальтера Скотта», тоже относящейся к 1830 г. (XII, 195).

³ Речь идет о кн.: *Чичерин А.В.* Возникновение романа-эпопеи. 2-е изд. М., 1975. Вероятно, Н.В. Измайлов имеет в виду утверждение автора: «В дореволюционной русской литературе «Война и мир» — единственный пример этого жанра» (с. 31) или противопоставление «Капитанской дочки» («чеканно ясной повести») замыслу «Русского Пелама» («сложному роману о запутавшемся дворянине»). См. С. 114—115.

⁴ См.: *Бонди С.М.* «Езерский» и «Медный всадник» // *Рукописи Пушкина: Фототипическое изд.: Альбом 1833—1835 <...>: Комментарий.* М., 1939. С. 44 («... Пушкин затеял второго «Онегина», новый «роман в стихах»).

⁵ Вероятно, Н.В. Измайлов имеет в виду ст.: *Пумпянский Л.В.* «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII в. (1939) // *Пумпянский Л.В.* Классическая традиция: Сб. трудов по истории русской литературы. М., 2000. См. С. 193—194.

⁶ См.: *Эйхенбаум Б.М.* О прозе: Сб. ст. Л., 1969. С. 214—230.

⁷ Имеется в виду незаконченное стихотворение 1835 г. «Когда владыка ассирийский...», восходящее к началу библейской книги «Юдифь» (III, 406—407). Под условным заглавием «Юдифь» как незавершенная поэма помещено в изд.: *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1975. Т. 3. С. 876—877. (1-е изд. — 1962).

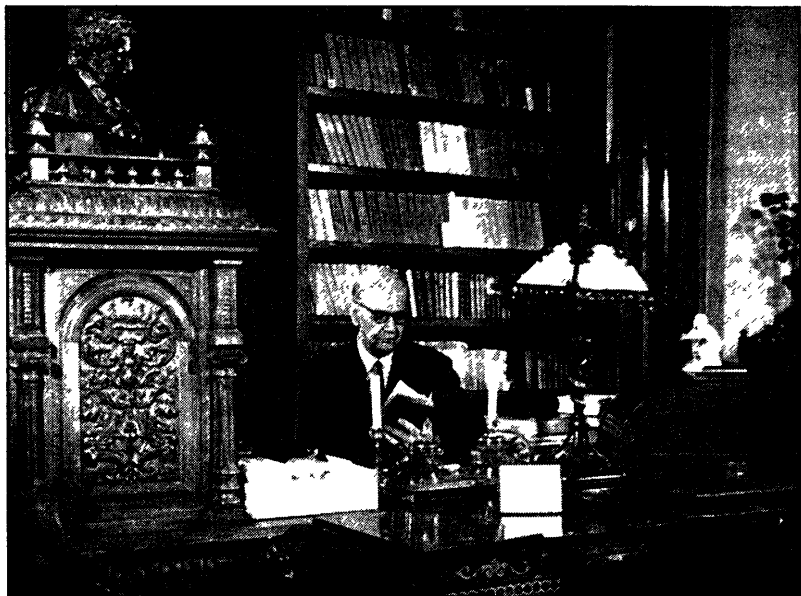
⁸ Имеется в виду незаконченное стихотворение 1836 г. «Альфонс садится на коня...» (III, 436—437).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Л.С. Сидяков

Отзыв о кн.: Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975 и Пушкин А.С. Медный Всадник. Изд. подг. Н.В. Измайлов. Л., 1978, представленных на соискание Пушкинской премии АН СССР

Обе рецензируемые книги представляют собой крупнейший вклад их автора и составителя в современное пушкиноведение. Первая из них объединяет работы ученого, создававшиеся им на протяжении почти полувека, с 1926 года. Сборник включает ряд работ Н.В. Измайлова, давно и прочно вошедших в активный научный фонд пушкиноведения. Можно назвать, в частности, его статью «Роман на Кавказских водах». Незавершенный замысел Пушкина, являющийся образцовым исследованием, реконструирующим замысел незавер-

1967 г. Н.В. Измайлов в рабочем кабинете

шенного пушкинского произведения на основе тщательнейшего изучения всех сохранившихся прямых и косвенных материалов.

Большое значение имеет и статья Н.В.Измайлова «Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20-х—30-х годов». Впервые опубликованная в 1958 году, она явилась одним из основополагающих исследований лирики Пушкина на современном этапе и оказала существенное воздействие на последующие работы о ней. Подобное же значение имеют и другие включенные в книгу работы ученого. Особо следует подчеркнуть, что все они подверглись переработке, как справедливо отмечает автор, «в соответствии с современным состоянием пушкиноведения»; это, естественно, придает им еще большую ценность. Особое место в сборнике занимает открывающая его большая монография Н.В.Измайлова «Пушкин в работе над «Полтавой», фундаментальное исследование, в полном объеме впервые опубликованное в нем. Эта работа также представляет собой образцовое исследование творческой истории одного из значительнейших произведений Пушкина, основанное на глубоком изучении как рукописей «Полтавы», так и всех ма-

териалов, проливающих свет на историю ее создания, в частности, исторических источников поэмы, корпус которых с такой обстоятельностью исследован впервые Н.В. Измайловым. Методологическое значение этого исследования, как и других включенных в сборник трудов ученого, очень велико, и это определяет характер книги, имеющей самое существенное значение для современного изучения Пушкина.

То же можно сказать и об осуществленном Н.В. Измайловым издании «Медного Всадника» в академической серии «Литературные памятники». Эта книга является итогом многолетнего исследования ученым пушкинской поэмы, первые результаты которого были обнародованы им еще в 1930 году. Издание «Медного Всадника» дает текст, уточненный в сравнении с так называемым «большим» академическим изданием сочинений Пушкина, в особенности его варианты, представленные с большой полнотой и в новой системе их подачи, а также включает ряд ранее малодоступных текстов, относящихся к его творческой истории и дающих в руки читателей богатый материал для ознакомления с принципами работы Пушкина над поэмой. Всё это находит свое обобщение в большом исследовании Н.В. Измайлова «Медный Всадник» А.С.Пушкина. История замысла и создания, публикации и изучения», представляющем собой монографию о поэме, центральной частью которой является освещение ее творческой истории, восстанавливаемой ученым чрезвычайно детально и с большой полнотой. Эта статья дает в руки исследователей надежную основу для дальнейшего изучения поэмы.

Таким образом, опубликованные в последние годы работы Н.В. Измайлова оказываются крупным вкладом в современную науку, и их значение трудно переоценить. Присуждение Пушкинской премии АН СССР было бы достойным признанием заслуг Н.В.Измайлова как носителя лучших традиций советского пушкиноведения, приумножению которых в соответствии с задачами, выдвигаемыми современной наукой, посвящена деятельность выдающегося ученого-пушкиниста.

24 октября 1980 г.

**ПУШКИНИСТ
Н.В. ИЗМАЙЛОВ**

**В Петербурге
и Оренбурге**

«ЗОЛОТАЯ АЛЛЕЯ»

КАЛУГА

2008